

Кира Фарди

ЖЕНИХ МОЕЙ СЕСТРЫ

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф24

Фарди К.
Ф24 Жених моей сестры / Кира Фарди – М.: Литнет, 2025. – 224 с.

ISBN 978-5-521-93650-2

Эндрю — любимый парень моей сестры. Он успешный, красивый, богатый... Мечта любой девчонки.

А еще он мой враг. Ненавижу всем сердцем! Между нами — пропасть противоречий, которую невозможно преодолеть.

Что ж, ради счастья сестрицы буду держаться от него подальше. Точно-точно буду! Начну прямо с завтрашнего дня.

Или через день...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93650-2

© Литнет, 2025
© К. Фарди, 2025

Глава 1

Сегодня дождливый день. Кажется, мрачное небо, серый свет, льющие сверху потоки воды должны нагонять тоску, но не на меня.

Я люблю такую погоду.

Летом меня тянет на улицу, нравится идти и подставлять лицо под теплые капли, а осенью забираюсь с ногами на подоконник, разглядываю в окно разноцветные зонтики, куполами раскинувшиеся внизу, и гадаю, кто прячется за ними.

Вот и сейчас смотрю на промокшую улицу, а все мысли о вчерашнем приключении. Оторвалась я, конечно, по полной программе, жаль, что в новостях ничего не промелькнуло. Кладу подбородок на согнутые колени и вздыхаю: одним бы глазком посмотреть, как выкрутился тот засранец в кожаных штанах.

Б-р-р-р! Как вспомню, что бежала в такой холод в одном топи-ке, короткой юбке и без колготок, так вздрагиваю. Адреналин, мать его! Грел лучше одежды.

Зябко повожу плечами, а мысли уже бегут в другом направлении. «А если позвонить Павлу? – приходит идея. – Он наверняка в курсе происходящего. Он меня выручил вчера, пожалуй, можно продлить знакомство».

– Соня, ты меня совсем не слушаешь, – вздрагиваю от окрика сестры и чуть не валюсь с подоконника.

– Тише будь! – приказываю, не глядя на нее.

Чувство неудовлетворения и тревоги сидит в душе, словно я столкнулась с преградой. Откуда она взялось, леший знает, но что-то мешает мне расслабиться и насладиться победой.

«Стоп! А может, это...»

– Сонька! Ну, Сонь! Посмотри сюда.

Догадка мелькает хвостиком и исчезает. Вот те на!

– Отстань! – рычу на Светку.

Отмахиваюсь вяло, нет желания проникаться проблемами старшей сестрицы, хотя бы у одного члена нашей семьи должна сегодня оставаться ясной голова. Дом будто сошел с ума.

– Сонька, – вопит Светка, – будь человеком, а не свиньей! Как думаешь: Эндрю понравится?

На свинью реагирую, нехотя оглядываюсь. Светлана крутится перед зеркалом, одним боком повернется, другим. Сегодня у нее очень важный день: официальная встреча с родителями жениха. Она нарядилась в безобразное платье от известного кутюрье и хочет кого-то удивить этим нарядом.

– Откуда я знаю, – бурчу себе под нос. – Я с ним не встречалась.

– С кем? С платьем? – взвизгивает сестрица. – Не ври! Я еще вчера тебе фото показывала.

Смотрю на нее и сползаю с подоконника, весь настрой, дура, сбила. Не понимаю, как можно сходить с ума из-за обычного мужика? Светка прямо из стрингов готова выпрыгнуть, чтобы угодить жениху.

– Я об Эндрю говорю. Черт! Ну и имечко!

– Не твое дело! – фыркает сестра. – Ты тоже его видела. Помнишь, мы встретились на улице?

Напрягаю извилины, они, бедные, натужно скрипят. Перед глазами появляется размытый длинный силуэт. Я тогда возвращалась после посиделок с подружками, была слегка, ну, допустим, не совсем слегка, а даже очень навеселе.

Отмахиваюсь:

– Да мне по фиг! Не в моем вкусе.

– Кто? – Светка замирает на середине комнаты.

– Оба: и платье, и твой кавалер.

– Пацанка!

– Принцесса!

– Ма-ма! – кричит обиженная сестрица. – Пусть Сонька дома сидит! Она мне помолвку сорвет.

Вот так грустно для меня начинается этот день, а заканчивается вообще полным кошмаром.

Но обо всем по порядку.

Меня все же заставили нарядиться в убогий брючный костюм жемчужного цвета и строгую блузку. По сценарию, придуманному сестрой и мамой, я не должна отвлекать внимание потенциальных родственников на себя. Но и оставить дома они меня не могут: негоже прятать члена семьи, даже такого ершистого, как я.

Но Светлане этого мало.

– Вытащи серьгу из носа, – шипит она, окидывая меня взглядом.

– Отвали! – рявкаю на нее, и тут вижу наполненные слезами глаза. – Черт! Достали все! – вздыхаю, расстегиваю сережку. Заодно вынимаю из ушей остальные. – Довольна?

– Очки надень.

– Зачем? Хочешь, чтобы я выглядела ботанкой?

– Ну, это лучше, чем бандиткой, – Светка складывает руки на груди и умоляюще смотрит на меня. – От одних твоих разноцветных волос дрожь по телу у нормальных людей.

– Модная прическа. Чем тебе не нравится?

Взбиваю пальцами торчащие в разные стороны розово-фиолетовые пряди.

– Ма-ма, – вопит сестренка. – Пусть Сонька дома останется! Лучше будет.

– Для кого лучше?

Никогда не уступаю сестре в споре. Последнее слово должно оставаться за мной. И она меняет тактику, прижимается к плечу и нежно воркует:

– Сонечка, будь лаской, пригладь патлы, а.

В конце концов под общим семейным нажимом я мою голову и укладываю волосы цивилильным способом: длинная челка закрывает пол-лица, на другой стороне перышки лежат рядками волосок к волоску, пряча выбритый висок. Смотреть противно!

Родственники счастливо улыбаются, а Светка все равно зло сверлит меня взглядом: ясно, недовольна. Она протягивает мне заколку, глазами показывает на челку, тем самым забывая последний гвоздь в крышку гроба моего рок-образа.

– Что? – вспыхиваю я. – И это? Может, мне паранджу нацепить, чтобы семейка твоего драгоценного Эндрю не грохнулась в обморок от культурного шока.

– Соня! Неужели не можешь сделать такую малость для сестры? – упрекает меня мама.

– Не ожидал от тебя, дочь! – басит отец.

Родители стоят у выхода. Папа – сама элегантность, черный клубный блейзер, белоснежная рубашка и бабочка под горлом – сразу видно, что эта встреча для него важна. Мама опирается на его локоть и олицетворяет нежность и семейную идиллию. На ней нарядное платье, сшитое фабричным модельером: мамуля всячески поддерживает семейный бренд и рекламирует его везде.

Только я, белая ворона, выбиваюсь из этой идеальной ячейки общества.

– Ну, Сонечка, миленькая, потерпи пару часов. Потерпишь?

Большие синие глаза Светки, подергиваются слезами и становятся похожи на блюдца, окаймленные ершиком ресниц. Где-то в глубине сердца шевелится непрошенная жалость, родная кровь все же, как не поддержать?

– Час, не больше!

Напяливаю на нос очки, закалываю волосы и разглядываю себя в зеркале: фиолетовый, нет, розовый чулок, да и только! Светкин костюмчик мне мал в плечах, я на размер крупнее сестрицы, белая блузка, наоборот, провалилась на груди – объема не хватает.

Нет, такое уродство не могу себе позволить. Бунт, родившийся в душе еще утром, ищет выход.

А если...

Пока родители и сестра суется, проскальзываю в комнату

и быстро переодеваюсь. Блузка летит в дальний угол шкафа, а на ее месте оказывается розовый топ, расшитый блестками. Он, конечно, открывает половину груди, но, если застегнуть жакет на все пуговицы, ничего видно не будет.

– Соня, ты идешь? – зовет меня отец.

– Бегу, бегу!

На ходу напяливаю легкий плащ, так до поры до времени никто не заметит перемены во внешности, и несусь к лифту.

Света влюбилась, как кошка, заметив Эндрю на одной светской тусовке. Но тот оказался известным бабником и нарциссом и не обращал на нее внимания, как она ни старалась. Сестрица использовала все приемчики светской львицы: связи подруг, их родственников, отца, даже купила приворот у гадалки. Не знаю, что повлияло, но случилось чудо: принц снизошел до влюбленной принцессы.

Несколько месяцев вялые отношения держались на плаву только на преданности и любви сестры. Она просто обожала своего Эндрю, часами могла смотреть на дисплей телефона, ожидая звонка, слушать грубоватый голос.

– Это Эндрю поет, – она насильно совала мне наушник, – правда, красиво?

Я нехотя пыталась проникнуться за пару секунд мужским голосом, с хрипотцой выводившим о неразделенной любви, и умирала от скуки. Попса не моя тема, мой плейлист состоит из рока и только рока.

Много раз я пыталась поговорить с сестрой и убедить ее, что такие отношения обречены на провал, она ничего не желала слушать.

– Эндрю любит меня, – твердила она и донимала жениха телефонными звонками.

– Котик, ты уже поужинал? – пауза. – Какие планы на вечер? – длинная пауза, лицо Светки морщится. – Ах, работать будешь? – в голосе

звучат слезы. – Я думала, что ты на меня разозлился, – лицо разглаживается, в глазах появляется блеск. – Ой, правда не сердись-ся? Тогда до встречи. Пока-пока! Чмоки-чмоки.

И еще двадцать раз поцелуйчики в трубку.

Такие разговоры я наблюдаю каждый вечер. Светка трещит, как сорока, рассказывая о своих делах, а с той стороны лишь редкие реплики.

– Буэ! – я имитирую приступ тошноты. – Сейчас вывернет наизнанку!

– Ничего ты не понимаешь в любви! – вскидывает подбородок Светка. – Завидуешь! На такую, как ты, никто и не посмотрит.

– Это на какую, такую? – сжимаю кулаки я.

В груди все закипает от злости. Еще словечко, и врежу по этому хорошенькому личику так, чтобы синяк под глазом остался. Но сестрица мгновенно чувствует изменение настроения и сбегает с воплями:

– Ма-ма! Сонька опять дерется!

– Девочки, хватит ссориться! – кричит из кабинета отец.

– Правда, Соня, оставь Свету в покое, – выглядывает из кухни мама.

– Я не трогала ее! – оправдываюсь, как всегда, я. – Она все придумала.

Но никто не верит моим словам. Все считают, что сестрица – это воплощение невинности и добра, а я демон в юбке.

Кстати, зря так считают.

Меня бесит инфантильность Светки, ее мечты розовой пони, воздушные замки, которые она строит, а не она сама или ее отношения. Складывается впечатление, что жених ее просто использует, потому что наши семейные компании процветают в одной сфере бизнеса, и выгодно иметь конкурента под рукой, пусть даже в роли жены.

Пожимаю плечами: что поделать с влюбленной душой?

Под давлением родителей с обеих сторон парень наконец созревает, чтобы сделать сестре предложение, и с этого момента наш дом стоит на ушах.

Вздыхаю, вот и сегодня еще один потерянный вечер. Какая помолвка, когда душа горит? Я мечтаю оказаться подальше от семьи, в «Болибаре», увидеть Пашку, осторожно расспросить о вчерашнем событии. А еще там сегодня выступает сам Витя Знаменский с группой музыкантов. Пропустить такое мероприятие – выше моих сил.

«А разве тебе обязательно караулить семью весь вечер? – появляется в голове шаловливая мыслишка. – Поздоровайся, пожелай удачи молодым и адьюс!»

Идея настолько вдохновляет, что я выскакиваю из лифта и несусь к двери квартиры.

– Ты куда?

– Сейчас. Минуточку!

Врываюсь к себе в комнату, запихиваю в пакет кожаную юбку, бросаю лак для волос, меняю элегантные лодочки на грубые ботинки, под брюками никто не заметит, и несусь обратно. Успеваю вовремя: семья только садится в подъехавшую машину.

– Ты что это с собой прихватила? – подозрительно смотрит на меня сестра.

– Так, вспомнила, что Линке обещала передать пакет. После ужина встречусь с ней.

Я уже давно привыкла выкручиваться. Слова сами слетают с губ, словно только и ждут момента.

– А-а-а, понятно, – тянет Света и тут же переключается. – Посмотри на меня, макияж не размазан?

– Что ты! – всплескиваю руками. – Ты у нас писаная красавица.

– Ерничаетшь? – Светка подозрительно хмурит брови.

– Ни за что!

Чмокаю сестру в щеку и отворачиваюсь к окну. Светлана у нас милашка. Детское личико сердечком, губки – бантиком, голубые глаза – чем не куколка. Образ дополняет миниатюрная фигурка – песочные часы. Кажется, вся генетическая красота многих поколений рода Романцевых досталась сестрице, а меня природа скроила из того, что было в остатке. Вот и получилась нескладеха: тощая, плоскогрудая и большеротая.

– Наша доморощенная Джулия Робертс, – часто шутит отец, – разве что добавить надо тут, – он хлопает меня по попе, – и тут.

Поджимаю губы: сделаю куρινую гузку и улыбаться не буду, зачем смущать честных граждан?

А в голове зародившаяся идея превращается в четкий план. Так, посижу обещанный час, не больше, потом переоденусь в туалете и поеду в «Болибар», как раз успею к началу концерта. А заодно и новости разузнаю. Черт, надо еще Линке позвонить!

Воодушевленная планами, шагаю в хвосте семейки, не озираясь по сторонам.

– Добрый день, – слышу знакомый по трекам голос с хрипотцой и вздрагиваю. Знакомое чувство тревоги расправляет крылья. – Позвольте вашу руку, милая свояченица.

Родственники расступаются, я поднимаю веки и деревенею...